

Цѣна съ перес.

за годъ 2 руб.,

за 3 мѣсяца

50 коп.

Цѣна отд. № 5 к.

№111

(Январь).

1909.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

ВЪ РЕДАКЦИИ

Вологодскихъ Епархіаль-
ныхъ Вѣдомостей

и въ канцеляріи

ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВА
ЕПИСКОПА ВОЛОГОДСКАГО.

СОДЕРЖАНІЕ: Какъ велико зло—лишиться небесныхъ благъ—Догматичъ 6-го гласа. *Гермонаха Аверсія.*—Край желаній человеческого духа. (О христіанской жизни.—Одинъ изъ тѣхъ немногихъ конхъ весь міръ недостойнъ. Блаженный Христа рѣди юродивый священникъ отецъ Теофилактъ Авдѣевъ. *Сергѣя Нилуса.*

Прилагается къ Вслог. Епарх. Вѣдомостямъ БЕЗПЛАТНО.

КАКЪ ВЕЛИКО ЗЛО—ЛИШИТЬСЯ НЕБЕСНЫХЪ БЛАГЪ.

если бы мы никогда не подвергались этому, Единородный Сыне Божій,—если бы никогда не испытали на себѣ этого нестерпимаго наказанія! Невозможно ясно выразить, какъ велико зло—лишиться небесныхъ благъ; впрочемъ сколько могу, постараюсь и поспѣшу хотя нѣсколько объяснить вамъ это на примѣрѣ. Представимъ себѣ такого удивительнаго юношу, который бы съ добродѣтелю соединялъ царствованіе надъ вселенною, и который бы во всемъ былъ такъ совершенъ, что могъ бы во всѣхъ возбудить къ себѣ отеческую любовь. Чего, думаете вы, не согласился бы съ удовольствіемъ претерпѣть отецъ этого юноши, чтобы только не лишиться его общенія? Или, на какое бы несчастіе, великое ли то или малое, не рѣшился бы онъ, чтобы только видѣть и увеселяться имъ? Подобнымъ образомъ мы должны размышлять и о небесной славѣ. Поистинѣ, не столько любезно и вожделѣнно отцу его дитя, какъ бы оно ни было совершенно, сколько вожделѣнно получить тѣ блага, *разрѣшиться и быть со Христомъ* (Филипп. 1, 12). Нестерпима геенна и мученіе въ ней; но если представить и тысячи гееннъ, то все это ничего не будетъ значить въ сравненіи съ несчастіемъ лишиться той блаженной славы, возненавидѣну быть отъ Христа и слышать отъ Него: *не въмъ васъ* (Матѣ. XXV, 12) и обвиненіе, что мы, видя Его алчущаго, не напители. Поистинѣ лучше подвергнуться безчисленнымъ ударамъ молніи, нежели видѣть, какъ кроткое лице Господа отвращается отъ насъ и ясное око Его не хочетъ взирать на насъ. И дѣйствительно, если Онъ меня, врага Своего, при всей къ Нему ненависти и отвращеніи отъ Него, такъ возлюбилъ, что даже не пощадилъ Самого Себя, но предалъ Себя на смерть, и если, послѣ всего этого, не подамъ Ему и хлѣба, когда Онъ алчетъ,—то какими уже глазами буду взирать на Него? Но и здѣсь замѣть Его кротость. Онъ не истощаетъ Своихъ благодѣ-

яній, не жалуется на то, что ты презрѣлъ великаго своего Благодѣтеля, не говоритъ: Я тебя привелъ изъ небытія въ бытіе, вдохнулъ въ тебя душу, поставилъ тебя владыкою надъ всѣмъ, что находится на земли; для тебя Я сотворилъ землю и небо, море и воздухъ и все сущее; отъ тебя Я былъ презрѣнъ и казался тебѣ ниже діавола, но при всемъ томъ не оставилъ тебя: безчисленныя открылъ средства для твоего спасенія, восхотѣлъ сдѣлаться рабомъ, былъ битъ по ланитѣ, оплеванъ, закланъ, умеръ поноснѣшею смертію, даже на небѣ за тебя ходатайствую, даю тебѣ Духа, удостоиваю тебя царствія и предлагаю тебѣ такія благодѣянія; восхотѣлъ быть твоей главою, женихомъ, ризою, домомъ, корнемъ, пищею, питаніемъ, пастыремъ, царемъ и братомъ; избралъ тебя наслѣдникомъ и сонаслѣдникомъ Своимъ, изъ мрака привелъ тебя въ область свѣта. Хотя Господь могъ сказать это и еще болѣе того, но Онъ ничего такого не говоритъ, а упоминаетъ только объ одномъ грѣхѣ твоёмъ. Являетъ и здѣсь Свою любовь и милосердіе, которое имѣетъ къ тебѣ. Не сказалъ: отъидите въ огонь, уготованный вамъ, но—уготованный діаволу. И прежде говоритъ о томъ, чѣмъ Его обидѣли, но и тутъ упоминаетъ не о всѣхъ обидахъ, а о немногихъ. Притомъ прежде осужденія оскорбившихъ Его, Онъ призываетъ праведныхъ, чтобы показать, что Онъ справедливо обвиняетъ. Какого же мученія не ужаснѣе слова Его? Никто, видя благодѣтеля своего истаевающимъ отъ голода, не презритъ его; а если бы и презрѣлъ, то послѣ того лучше бы согласился самъ съ поношеніемъ скрыться въ землю, нежели при двухъ или трехъ друзьяхъ слышать обвиненіе въ этомъ. Что же будетъ съ нами, когда предъ всею вселенною услышимъ отъ Господа подобное обвиненіе, котораго, впрочемъ, Онъ не произнесъ бы и тогда, если бы не хотѣлъ оправдать своего суда? А что Онъ произнесъ это обвиненіе не въ поношеніе грѣшниковъ, но въ оправданіе Самого Себя, и для показанія, что Онъ не вотще и не безъ причины говорилъ къ нимъ: отъидите отъ Мене, это очевидно изъ неизреченныхъ Его благодѣяній. Если бы Онъ хотѣлъ подвергнуть грѣшниковъ

поношенію, то выставилъ бы всѣ свои благодѣянія; а Онъ говоритъ только о томъ, что претерпѣлъ.

(Изъ твореній св. Іоанна Златоуста).

ДОГМАТИКЪ 6-ГО ГЛАСА.

Однажды Господь Иисусъ Христосъ былъ на вечери въ домѣ Симона прокаженнаго. Тамъ одна женщина купила драгоцѣннаго мвра и возливала его на главу Спасителя. Нѣкоторые негодовали на такую трату денегъ и говорили, что лучше бы продать это мвро, а деньги раздать нищимъ. Но Господь остановилъ ихъ, сказавъ: „она доброе дѣло сдѣлала для Меня. Нищихъ вы всегда имѣете, а Меня не всегда“, и прибавилъ: „истинно говорю вамъ, гдѣ ни будетъ проповѣдано Евангеліе сіе въ цѣломъ мірѣ, сказано будетъ, въ память ея, и о томъ, что она сдѣлала“ (Марк. 14, 3—9). Подобно этому и св. Іоаннъ Дамаскинъ въ началѣ догматика шестаго гласа восклицаетъ: **КТО ТЕБЕ НЕ ОУБАЛЖИТЪ, ПРЕСВЯТАА ДѢВУ; КТО ЛИ НЕ КОСПЕЕТЪ ТКОЕГШ ПРЕЧИСТАГШ РОЖДЕСТВА;** т. е. вездѣ, гдѣ только проповѣдано Евангеліе о воплощеніи Сына Божія, тамъ восхваляютъ и ублажаютъ Пресвятую Дѣву, чрезъ Которую и совершилось это мировое событіе. И дѣйствительно, если мы почитаемъ и прославляемъ *святыхъ* людей, проводившихъ жизнь свою въ борьбѣ съ грѣхомъ, міромъ и дьяволомъ, и не падшихъ въ этой борьбѣ, но оставшихся при помощи благодати Божіей побѣдителями и получившихъ за это награду въ царствѣ небесномъ: то тѣмъ болѣе мы должны прославлять Пресвятую Дѣву, Которая не только превзошла всѣхъ Своєю чистотою и святостію и подобно солнцу сіяетъ Своими добродѣтелями, но и послужила чуду всемогущества и любви Божіей рожденіемъ отъ Нея Сына Божія. Не восхваляютъ и не прославляютъ Ее только тѣ, до которыхъ не достигла проповѣдь Евангелія, или которые заражены ядомъ невѣрія; остальные же всѣ, кто вѣруетъ во Христа, Спасителя міра, тотъ не можетъ не ублажать Пресвятую Дѣву, не можетъ не воспѣвать Ея пречистаго рождества.

ВЗРАСТНО БО Ш ОТЦА КОЗИАКЫЙ СЫНЪ ЕДИНОРОДНЫЙ. У насъ обыкновенно со словами отецъ и сынъ соединяется понятіе о неравенствѣ возраста; отецъ долженъ быть старше сына и существовать на свѣтѣ на нѣсколько лѣтъ раньше сына. Но о Богѣ Отцѣ и о Богѣ Сынѣ мы не должны такъ думать, потому что если бы хотя и одною минутою Сынъ былъ моложе Отца, то въ Немъ не было бы главнаго свойства—вѣчности. Да и допустить

этой мысли мы не можемъ. Слово Божіе намъ ясно говоритъ о вѣчности Сына Божія. Давидъ въ псалмѣ 109 восклицаетъ какъ бы отъ лица Бога Отца: *прежде денницы родихъ Тя* (3 ст.), т. е. не было такого времени, когда бы Его не было. Денницею называется самый высшій ангелъ, который былъ прежде всего сотворенъ, слѣдовательно, если Онъ существовалъ до сотворенія денницы, то Онъ такъ же вѣченъ, какъ и Богъ Отецъ. Равнымъ образомъ это рожденіе никогда не прекращается, какъ объ этомъ устами Давида возвѣщаетъ Богъ Отецъ: *Сынъ Мой еси Ты, Азъ днесь родихъ Тя* (Псал. 2, 7). „Божіе днесь, говоритъ святитель Филаретъ митрополитъ Московскій, несомнѣнно есть неизреченное продолженіе вѣчности, не имѣющее ничего прошедшаго и будущаго“. Сообразно съ этимъ и св. Іоаннъ Дамаскинъ, чтобы указать, что рожденіе Сына Божія отъ Отца не подходитъ подъ наши понятія о времени, и выразилъ его словомъ „безлѣтно“ т. е. вѣчно. Чтобы не показалось это непонятнымъ, т. е. какимъ образомъ Сынъ Божій предвѣчно рождается отъ Бога Отца. Іоаннъ Дамаскинъ словами *отъ Отца возсіявый* объясняетъ и образъ рожденія. Онъ сравниваетъ это рожденіе съ возсіяніемъ свѣта отъ солнца. Какъ происхожденіе солнечнаго свѣта современно сотворенію солнца, какъ источника свѣта, такъ и Сынъ Божій собезначаленъ Своему Отцу. Какъ происхожденіе солнечнаго свѣта продолжается цѣлыя тысячелѣтія и будетъ продолжаться до конца существованія солнца; подобно сему и рожденіе Сына Божія отъ Отца: оно есть рожденіе вѣчное, какъ вѣченъ Отецъ. И этотъ Сынъ возсіявый отъ Отца есть единъ, т. е. Онъ только одинъ родившійся отъ Бога Отца. Мы хотя и называемъ Бога тоже отцемъ своимъ—„Отче нашъ“... даже въ свящ. Писаніи вѣрующіе въ Бога называются *сынами* или *чадами* Божіими, напр. Іоан. 1, 12; Рим. 8, 14—16 и др.; но мы называемся чадами не по рожденію, а по благодати, подобно тому, какъ если бы кто, возлюбивши сироту, усыновилъ его себѣ и называлъ бы его своимъ сыномъ, хотя онъ и не рожденъ отъ него, а только принять. И этотъ единородный Сынъ, безлѣтно возсіявый отъ Отца, произошелъ отъ Тебя, Чистая—**Той же ѿ Тебе, чистыя, пройде.** Кто бы могъ подумать, что среди людей найдется такая, которая могла бы войти въ общеніе съ Богомъ? Великъ былъ Моисей, онъ называется другомъ Божіимъ. Знаменитъ былъ и Ілія по своей ревности къ вѣрѣ, но и тѣ видѣли только *задняя Божія*, т. е. какъ бы только тѣнь Его существа, входили въ общеніе съ Богомъ чрезъ молитву и добрыя дѣла. Но Божія Матерь удостоилась принять Бога въ нѣдра Свои. Пять тысячъ съ половиною лѣтъ ждалъ міръ такую жену. Наконецъ это ожиданіе исполнилось въ лицѣ Маріи—дочери благочестивыхъ Іоакима и Анны. Приготовленная воспитаніемъ во храмѣ къ своему высо-

кому назначенію, Она, наконецъ, удостоилась услышать отъ Архангела благую для всего міра вѣсть о зачатіи Ею Сына Божія. Какимъ же образомъ это совершилось? На этотъ вопросъ Іоаннъ Дамаскинъ отвѣчаетъ: **НЕИЗРѢЧЕННУ КОПЛОЦІА**. Умъ человѣческій не можетъ постигнуть, а языкъ выразить этого чуда. Вѣдь *чужде матеремъ дѣвство и странно дѣвамъ дѣторожденіе, но на Тебѣ, Богородице, обоя устроишася*: будучи дѣвою, Марія зачала и родила Сына и по рождествѣ пребываетъ дѣвою—Приснодѣва. Родившійся отъ Нея **ЕСТЕСТВОМЪ БОГА СЫНЪ И ЕСТЕСТВОМЪ БЫВЪ ЧЕЛОВѢКЪ**. Не удивительно было бы, если бы царь земной оставилъ свой престолъ, поселился въ простой хижинѣ и жилъ бы какъ простой человѣкъ. Нѣтъ. *Безлѣтно возсіявый отъ Отца* рождается во времени простымъ человѣкомъ отъ жены; Сынъ Божій дѣлается Сыномъ человѣческимъ: *не Сей ли есть сынъ Іосифовъ* (Лук. 4, 22). Второе лице Св. Троицы, Единородный Сынъ Божій, благоволилъ родиться на землѣ и соединить Свое Божественное, вѣчное, естество съ человѣческимъ, благоволилъ, не переставая быть Богомъ, содѣлаться человѣкомъ—насъ ради и нашего ради спасенія. Какъ Богъ Онъ вѣченъ, а какъ человѣкъ рождается во времени. Какъ Богъ Онъ не терпитъ никакой скорби и печали и вѣчно блаженствуетъ, а какъ человѣкъ Онъ скорбѣлъ, тужилъ (Мат. 26, 37—38), терпѣлъ ужасныя страданія тѣлесныя (Матѣ. 27, 46). Какъ Богъ Онъ безсмертенъ, а какъ человѣкъ Онъ умеръ (Матѣ. 27, 50). Эти крайнія противоположности соединяются не въ двухъ лицахъ, а въ одномъ и томъ же второмъ Лицѣ Св. Троицы, только имѣющемъ два естества. **НЕ КО ДВОЮ ЛИЦУ РАЗДѢЛАЕМЫЙ, НО КО ДВОЮ ЕСТЕСТВУ НЕЛИТНУ ПОЗНАВАЕМЫЙ**. Еретикъ Несторій училъ, что Пресвятая Марія родила человѣка-Христа, съ которымъ Богъ былъ соединенъ только нравственно, обиталъ въ немъ, какъ во храмѣ, подобно тому какъ прежде обиталъ въ Моисеѣ и др. пророкахъ. Поэтому и Самаго Господа онъ называлъ не Богочеловѣкомъ, а Богоносцемъ. Но въ такомъ случаѣ что же значатъ слова Ап. Павла: *Иже во образѣ Божій Сынъ, не восхищеніемъ нещцева быти равенъ Богу: но Себе умалилъ зракъ раба приимъ, въ подобіи чловѣчествѣ бывъ и образомъ обрѣтеса якоже чловѣкъ* (Фил. 2, 6—7). „Кто это, спрашиваетъ св. Кириллъ, будучи въ образѣ Божіи, не почитая хищеніемъ быть равнымъ Богу, умалилъ Себя, зракъ раба пріялъ? Господь нашъ Іисусъ Христосъ: это Онъ Себя умалилъ тѣмъ, что будучи по естеству Сыномъ Бога Отца, благоволилъ содѣлаться человѣкомъ, пріявъ зракъ раба“. Если бы, какъ училъ Несторій, Іисусъ Христосъ былъ только богоносецъ, какъ Моисей и другіе пророки, то какъ могъ Онъ воскреснуть Самъ, Своею божественною силою? Почему же Моисей и другіе пророки не воскресли? На это доказательство Своего Божества Онъ

и Самъ не однажды указывалъ іудеямъ: *разрушите этотъ храмъ и Я въ три дня воздвигну его* (Іоан. 2, 19). Наконецъ чудеса, которыя творилъ Іисусъ Христосъ, когда былъ на землѣ какъ человѣкъ, ясно указывали на то, что это не простой человѣкъ: *мнози отъ народа вѣроваша въ Него, и глаголаху, яко Христосъ, егда приидетъ, еда больша знаменія сотворитъ, яже Сей творитъ* (Іоан. 7, 31).

Въ противоположность Несторію другой еретикъ Евтихій училъ, что въ Господѣ Іисусѣ Христѣ человѣческое естество совершенно было поглощено Божествомъ, и потому, по лжеученію этого еретика, въ Немъ слѣдуетъ признавать одно Божеское естество. Но изъ повѣствованія Евангелистовъ видно, что Іисусъ Христосъ, будучи Богомъ, въ то же время былъ совершеннымъ человѣкомъ какъ по тѣлу, такъ и по душѣ. Онъ чувствовалъ голодь (Матѣ. 4, 2; 21, 18), жажду (Іоан. 19, 28), уставалъ (Іоан. 4, 6), предавался отдохновенію и сну (Марк. 4, 38; Лук. 8, 23), испытывалъ страданія (Матѣ. 27 гл.), умеръ и былъ погребенъ (Матѣ. 27, 50—61; Марк. 15, 39—47; Лук. 23, 46—53; Іоан. 19, 30. 38—42). Кромѣ этого у Него были проявленія, обычныя человѣческому духу: такъ Онъ иногда радовался (Лук. 10, 21; Іоан. 11, 15), негодовалъ (Марк. 10, 14), возмущался духомъ (Іоан. 11, 32; 12, 28; 13, 21), скорбѣлъ и тужилъ (Матѣ. 26, 37). Такимъ образомъ Богочеловѣкъ познается, или является, въ двухъ естествахъ неслитно соединенныхъ; оба естества, Божеское и человѣческое, всецѣло сохранились въ Немъ со всѣми особенностями, свойственными каждому изъ нихъ; такъ что Родившійся отъ Маріи имѣлъ и всѣ Божескія свойства, какія Онъ имѣлъ *прежде встѣхъ вѣкъ*, и всѣ свойства и немощи уничиженной природы человѣческой кромѣ грѣха. Все это даетъ намъ надежду на спасеніе. Болѣе сильной, болѣе могущественной ходатаицы за насъ, грѣшныхъ, какъ Божія Матерь, нѣтъ и быть не можетъ. Находясь въ такой близости къ Богу, какъ Матерь Его, Она все можетъ испросить у Него, что нужно для спасенія. Поэтому то св. Церковь, воспѣвая славу и величіе Богоматери, научаетъ насъ, чтобы мы всегда обращались къ Ней съ молитвою и просили Ее быть ходатаицею за насъ предъ Сыномъ Ея Богочеловѣкомъ: **Того моли, чистаа, всеблаженнаа, помножатиса дѣшамъ нашимъ.** Но не будемъ забывать, что наша молитва къ Богоматери должна быть чиста и благоговѣйна, потому что Она, хотя произошла изъ среды рода человѣческаго, и доступна всякому моленію нашему, но Она далеко превосходитъ всѣхъ людей Своими совершенствами. Она есть чистая и всеблаженная; и какъ такая, Она можетъ внимать только молитвѣ чистой—такой молитвѣ, въ которой испрашиваемъ у Ней помощи въ добрыхъ дѣлахъ, очищенія отъ грѣховъ и помилованія отъ Бога. Но Она отворотитъ

Свой слухъ отъ нашей молитвы, если будемъ просить чего либо для угожденія своимъ страстямъ и ко вреду ближнимъ.

Иеромонахъ Аверкій.

Край желаній человѣческаго духа.

(О христіанской жизни).

Христіанская жизнь зарождается, возрастаетъ и совершенствуется дѣйствиємъ благодати Божіей. Человѣку живущему мірскою жизнію никогда бы и на умъ не пришла спасительная забота о душѣ своей. Онъ весь погруженъ бываетъ въ житейскія заботы, служебныя дѣла, различныя хлопоты, развлечения и увеселенія. Въ умѣ у него утвердились ложные и обманчивые взгляды на жизнь, въ волѣ—корыстолюбивыя и самоугодливыя намѣренія и въ сердцѣ страстныя чувства и мірскія пожеланія. Ни мысли, ни представленія, ни желанія чего либо духовнаго, святаго, благодатнаго у него нѣтъ. Сердце у него полно мірскою жизнію и не вмѣщаетъ въ себя словесъ духовныхъ. Евангельскія слова жизни и истины не западаютъ въ глубину его души, не потрясаютъ ее, не приводятъ въ чувство страха за свою участь, а остаются, такъ сказать, на поверхности ея и не производятъ никакого дѣйствія. Ему думается, что не къ нему относятся эти святые уроки и наставленія. Не замѣчая за собою явныхъ преступленій Евангельскаго закона, онъ и грѣховъ за собою никакихъ не знаетъ, а не зная ихъ и не думаетъ о покаяніи и исправленіи себя. Видимыя же въ другихъ нѣкоторые сучцы въ жизни даютъ ему значительную смѣлость въ помысленіяхъ: чѣмъ я хуже другихъ? Они вотъ то и то дѣлаютъ, а я этого себѣ не позволяю! Такія и подобныя сему помысленія ни какъ не даютъ ему возможности увидѣть свои грѣхи и сокрушиться о нихъ душею. „Но если онъ и увидитъ, если и узнаетъ, что то или другое желаніе, та или другая наклонность незаконны, безнравственны: то и тогда что пользы? Ему не хочется поднять руку, подвинуть ногу въ противность незаконному желанію, или незаконной наклонности. Онъ плѣнникъ грѣховный, увидѣвшій, что связанъ по рукамъ и ногамъ, и безопасно предавшійся поносной судьбѣ рабства“ ¹⁾. И если бы благодать Св. Духа не приходила на помощь человѣку, не возбуждала его души страхомъ загробной участи, не раскрывала предъ его сознаниємъ всей суеты и непостоянства этой жизни и не давала вкусить и ощутить бла-

1) Еп. Теофанъ. Сл. о борьбѣ съ грѣхомъ.

гость свою въ сердечномъ чувствѣ, то человѣкъ никогда бы не опомнился и не пришелъ въ познаніе себя. Разными путями приводитъ Человѣколюбець Господь грѣшныхъ человѣковъ на путь спасенія. Иному посылаются тяжкія и продолжительныя болѣзни, другому—потеря близкаго человѣка, иному—искушенія, скорби, напасти; иному—бѣдность и скудость крайняя и многое другое жестокое и тягостное. Находясь въ такихъ трудныхъ и безвыходныхъ обстоятельствахъ и не видя ни откуда себѣ поддержки и помощи, человѣкъ взыскиваетъ Бога. Съ распростертыми объятіями встрѣчаетъ грѣшнаго человѣка, какъ блуднаго сына, Отеческая любовь Божія, любезно принимаетъ и вводитъ въ Свой домъ—Святую Церковь. Здѣсь онъ облегчается отъ своихъ скорбей и находитъ всякое утѣшеніе духовное. „Лучъ милосердія Божія, западая въ грѣшную душу, раждаетъ въ ней теплоту умиленія и изводитъ слезы раскаянія“¹⁾. Осудивъ себя за грѣховную жизнь и оплакавъ грѣхи свои, полагаетъ онъ въ душѣ своей твердое намѣреніе—прочее время житія своего проводить въ мирѣ, покаяніи и добрыхъ дѣлахъ по заповѣдямъ Господнимъ. Испытавши же на себѣ милость Божию и познавши „яко блажь Господь“, съ нѣкоторымъ веселіемъ вступаетъ онъ на тѣсныя стези заповѣдей Господнихъ, и съ доброю надеждою въ чаяніи будущихъ благъ!.. Вотъ какъ въ большинствѣ зарождается въ душѣ хрістіанская жизнь! Но что же бываетъ далѣе?

Какъ только вступитъ человѣкъ на путь хрістіанской жизни и будетъ ревностно подвизаться въ исполненіи Евангельскихъ заповѣдей: любви, правды, милосердія, смиренія, неосужденія ближнихъ, чистоты, кротости и терпѣнія, то вскорѣ же и начнетъ ощущать въ себѣ „инъ законъ“, противоборствующій добродушію его намѣренію. Сердце не расположено будетъ къ добрымъ дѣламъ, отвращаться будетъ отъ нихъ. Оно любило жить въ свое удовольствіе, чувствовать себя совершенно свободно, а тутъ ему во всемъ полагаются ограниченія и стѣсненія: и въ чувствахъ, и въ пожеланіяхъ и въ намѣреніяхъ. Отъ сего и возникаетъ въ немъ невидимая брань. Ревнующій о благочестіи духъ стремится къ Богу и понуждаетъ сердце на исполненіе св. заповѣдей Господнихъ, а грѣшная плоть влечетъ къ міру, къ удовольствіямъ, къ стяжаніямъ, къ развлеченіямъ. Въ одномъ случаѣ бываетъ побѣда на сторонѣ духа, въ другомъ же на сторонѣ грѣховаго естества. И чѣмъ усерднѣе и ревностнѣе принимается человѣкъ за исполненіе св. заповѣдей, тѣмъ борьба бываетъ сильнѣе и ожесточеннѣе. Всякое доброе дѣло, всякій благой порывъ и хорошее намѣреніе будутъ сопровождаться скорбями, усиленіемъ, напряженіемъ. Вѣдь, надо дѣлать то, къ чему нѣтъ расположенія и отря-

1) Еп. Теофанъ, о борьбѣ съ грѣх.

шать себя отъ всего того, что было любимо, что доставляло удовольствіе, пріятность. О какая трудная эта борьба! Благочестивый помыслъ и доброе желаніе подвигаютъ заниматься чтеніемъ слова Божія и свято-отеческихъ писаній, молитвами и душеспасительными размышленіями, постомъ и воздержаніемъ, посѣщеніемъ церковныхъ служеній, покаяніемъ во грѣхахъ и пріобщеніемъ Св. Христовыхъ Таинъ, твореніемъ по силѣ добрыхъ дѣлъ, терпѣніемъ, кротостію и смиреніемъ себя; чтобы всѣми этими дѣланіями тѣснить и связать въ себѣ грѣхъ, не дать ему свободы и выхода во внѣ, заморить и обезсилить его въ себѣ, а грѣховный помыслъ и страстныя пожеланія обольщаютъ насъ чтеніемъ свѣтской литературы и газетъ, мірскими благами, пріятностями жизни, развлеченіями, увеселеніями и т. п. дѣлами. Раздраженіе же и гнѣвъ на ближняго, осужденія въ мысляхъ и чувствахъ, тщеславіе и самомнѣніе, похотливость и невоздержаніе, лѣнь и сонливость, сребролюбіе и славолюбіе, разсѣянность, житейскія заботы и многое другое, точно какіе жестокіе враги будутъ нападать на бѣдное сердце, разбивать въ немъ добрыя намѣренія, разстраивать душевный миръ, обольщать видимыми пріятностями и заглушать порывы благочестиваго духа. Небольшое иногда склоненіе къ явившемуся искушенію, маленькая свобода въ словахъ и чувствахъ, легкое увлеченіе пріятностями жизни, неосторожный взглядъ на чуждую доброту и многое другое по видимому малое и незначительное, допущенное по своему невниманію и не осторожности, принести въ послѣдствіи тяжкія искушенія, отъ которыхъ душа падаетъ въ грѣхъ. Въ насъ обрѣтается какое то невообразимое зло, непознаваемая болѣзнь и ни какъ не предполагаемая худоба и немощность. И вотъ, легкій толчекъ жезломъ искушеній въ глубину нашего сердца, мгновенно поднимаетъ всю таившуюся въ немъ гнилость и нечистоту, а также небольшой нажимъ обстоятельствами жизни на какое либо сердечное чувство, причиняетъ нестерпимую боль и растревоживаетъ грѣховныя раны и струпы, которыя до этого были не познаваемы. Какъ прекрасно изобразилъ эту внутреннюю борьбу съ грѣхомъ Св. Григорій Богословъ, въ словѣ о добродѣтели (т. 4-й). „Часто (говоритъ онъ) заносилъ я ногу, чтобы шествовать къ небу, но тяжкія и снѣдающія сердце заботы низлагали меня на землю. Не рѣдко также озарялъ меня пречистый свѣтъ Божества; но вдругъ становилось предо мною облако, закрывало великое сіяніе и сокрушало духъ мой. Одно предписываетъ мнѣ плоть, другое—заповѣдь; одно—Богъ, другое—завистникъ; одно—время, другое—вѣчность. А я дѣлаю, что ненавижу, услаждаюсь зломъ, и внутренно горькимъ, злораднымъ смѣхомъ смѣюсь ужасной участи: для меня и гибель пріятна. То я низокъ, то опять превыспренъ. Сегодня отвраща-

юсь презорства, а на утро самъ презритель. Какъ мѣняются времена, такъ мѣняюсь и я, и подобно полипу, принимаю на себя цвѣтъ камней. Горячія проливаю слезы; но не выплаканъ съ ними грѣхъ. Хотя изсякъ ихъ потокъ; однако же новыми преступленіями приготавливаю въ себѣ другой; а средства врачеванія мною отринуты. По плоти я дѣвственникъ; но не знаю ясно, дѣвственникъ ли и въ сердцѣ. Стыдъ потупляетъ глаза, а умъ безстыдно подѣмлетъ ихъ вверхъ. Зорокъ я на чужіе грѣхи, и близорукъ для своихъ. На словахъ я небесенъ, а сердцемъ прильпнулъ къ землѣ. Спокоенъ я и тихъ; но едва подуетъ хотя легкій вѣтеръ, вздымаюсь бурными волнами, и волненіе не прекратится, пока не наступитъ тишина; а тогда не очень удивительно утихнуть и гнѣву. Всегда я въ пути, всегда въ великомъ страхѣ; и едва лишь сдѣлаю нѣсколько шаговъ впередъ, тотчасъ слѣдуетъ паденіе. Долга моя жизнь, а не хотѣлось бы разстаться съ жизнію. Желая уврачеванія; но уврачеваніе отъ меня далеко; потому что съ продолженіемъ дней собираю я больше грѣховъ“: До здѣ св. Богословъ.

И достойно удивленія это: пока человѣкъ предавался удовольствіямъ міра, пока не помышлялъ ни сколько о своемъ спасеніи—былъ совершенно покоенъ душою и не испытывалъ ни какихъ скорбей и искушеній грѣховныхъ. Не тревожила его ни раздражительность сердечная, ни плотская брань, ни лѣнность, ни уныніе, ни что либо другое грѣховное и страстное; а какъ только началъ обращать взоры свои къ небу, такъ и возстала на него жестокая брань!.. Сколько надо перенести подвизающемуся хрістіанину внутреннихъ скорбей, огорченій, болѣзнованій, сѣтованій!.. Сколько надо пролить горькихъ слезъ покаянія и приложить трудовъ, пока сердце, полное всякой нечистоты, злобы и лукавства, содѣлается чистымъ, кроткимъ, благимъ, смиреннымъ!.. Въ этой то вотъ борьбѣ съ грѣхомъ хрістіанинъ и изучаетъ опытно, какъ свое нравственное разстройство грѣхомъ, безсиліе и немощность къ добру, такъ и коварство злыхъ духовъ, полагающихъ сѣти и соблазны на пути. А еще болѣе познаетъ то, какъ необходима ему во всемъ добромъ благодатная помощь свыше.

Мучимый своими страстями, уязвляемый различными искушеніями и сокрушаемый скорбями, онъ въ смятеніи и разстройствѣ обращается къ Богу милосердому съ молитвою: „Услыши ны, Боже Спасителю нашъ, упованіе всѣхъ концевъ земли и сущихъ въ мори далече! Ты единственное мое прибѣжище и упованіе, Ты Создатель мой, Спаситель и Искупитель, Ты Помощникъ мой, Заступникъ и Утѣшитель, Ты надежда моя, вѣра моя, жизнь и сила моя. Къ Тебѣ возвожу душевныя и тѣлесныя мои очи, Тебѣ возношу свою грѣшную душу, Тебѣ открываю свое сердце

и исповѣдую свои прегрѣшенія,—милостивъ буди мнѣ грѣшному рабу Твоему и избави мя отъ обышедшихъ меня золь, искушений и болѣзней и заступи мя по словеси Твоему!“.. Такъ взываетъ онъ къ Человѣколюбцу Богу въ трудныя минуты жизни и Господь помогаетъ ему Своею благодатною помощію и избавляетъ отъ всякія скорби.—Познавши на опытѣ такое измѣненіе въ себѣ, человѣкъ въ послѣдующихъ искушеніяхъ, будетъ всегда обращаться къ Богу за помощію и получать таковую.

Гдѣ же теперь тѣ ученые мудрецы и философы, которые отвергають высшую благодатную помощь и Христа—Сына Божія, Спасителя нашего, считаютъ не болѣе, какъ за великаго чловѣка, которые отлучаютъ себя отъ Церкви и отъ св. Таинствъ? Могутъ ли они одними своими силами противостать такому напору страстей и устремленію лукавыхъ духовъ? Въ состояніи ли также будутъ освободить себя отъ рабства грѣховнаго и очистить сердце отъ всякой гордости, злобы, лукавства и нечистоты? Пусть отвѣтятъ на сіе.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ОДИНЪ ИЗЪ ТѢХЪ НЕЖНОГИХЪ, КОГО ВСЕЪ ЖИЗНЬ НЕДОСТОИНЪ.

Блаженный Христа ради юродивый священникъ отецъ Теофилактъ Авдѣевъ.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ. ¹⁾

„Христіанство возродило и обновило древній міръ разлагавшійся отъ дряхлости и внутренняго растлѣнія. „Небесный огонь“ любви, „низведенный на землю“ Спасителемъ (Лук. XII, 49), воспламенилъ новую жизнь въ сердцахъ людей, подавленныхъ чувственностью, оживотворилъ духъ, почти „омертвѣвшій въ узахъ грѣховности“ (Ефес. II, 5), и, при содѣйствіи благодати, ревность къ благочестію во многихъ воспламенилась съ такою силою, что сдѣлалась главною стихіею духовной жизни, и вся дѣятельность духа сосредоточилась въ непрерывномъ усиліи „распятыи плоть“ свою „со страстьми и похотьми“ (Гал. V, 24), стать выше своей чувственности, покорить высшему духовному закону всѣ порывы поврежденной грѣхомъ природы, чтобы по мѣрѣ силъ, постепенно возрастать духомъ, всецѣло жить въ Богѣ и для Бога. Христіанство, „обновивши ветхаго чловѣка“ (Кол. III, 10), содѣ-

¹⁾ „Юродство о Христѣ и Христа ради юродивые Восточной и Русской Церкви“—священника Іоанна Ковалевскаго (Москва, 1895 г.).

лавъ его причастникомъ Божественнаго естества (2. Петр. I, 4), произвело многіе виды подвижничества, которыми хрістіанинъ нравственно возвышается до возможнаго для человѣка совершенства. И въ великомъ сонмѣ угодниковъ Божіихъ, прославленныхъ Св. Церковію, юродивые хрістіане являются *дивными во святыхъ* по роду своего подвига и по той высокой степени самоотверженія, которому они слѣдовали. Ради Хріста и своихъ ближнихъ они отрѣшались не только „отъ міра и яже въ мірѣ“ (I Иоан. II, 15), но и отъ всего лучшаго, что есть въ природѣ человѣка, поскольку послѣднее необходимо для хрістіанина, по слову Апостола: „*аще внѣшній нашъ человѣкъ тлѣетъ, обаче внутренній обновляется по вся дни*“ (2 Кор. IV, 16). Истиннѣ, въ нихъ внѣшній человѣкъ тлѣлъ по мѣрѣ того, какъ внутренній духовно жилъ и нравственно возвышался.

Юродство о Хрістѣ—одинъ изъ труднѣйшихъ и великихъ подвиговъ хрістіанскаго благочестія, какіе изъ любви къ Богу и ближнимъ принимали на себя особенные ревнители благочестія. „Юродство Хріста ради составляетъ столь рѣдкій, столь труднѣйшій и вмѣстѣ съ тѣмъ столь высокой хрістіанскій подвигъ, на который призываются Господомъ Богомъ только особенные избранники и избранницы, сильные тѣломъ и духомъ“¹⁾. Эти славные подвижники, одушевляемые горячею ревностію и пламенною любовію къ Богу, добровольно отказывались не только отъ всѣхъ удобствъ и благъ жизни земной, отъ всѣхъ выгодъ жизни общественной, отъ родства самаго близкаго и кровнаго, но даже отрекались, *при полномъ внутреннемъ самосознаніи*,—отъ самаго главнаго отличія человѣка въ ряду земныхъ существъ—отъ обычнаго употребленія разума, добровольно принимая на себя видъ безумнаго, а иногда и нравственно падшаго человѣка, не знающаго ни приличія, ни чувства стыда, дозволяющаго иногда себѣ соблазнительныя дѣйствія..... Лишенные, повидимому, простаго, здраваго смысла человѣческаго, отрѣшившись отъ общепринятыхъ обычаевъ міра и правилъ общественнаго благоприличія, они, подъ личиною юродства, нерѣдко совершали такіе гражданскіе подвиги, на которые не рѣшались люди, „мнящіеся“ быть „мудрыми“, изъ страха ли то предъ сильными міра сего, или изъ житейскихъ расчетовъ и соображеній; и при этомъ подвиги ихъ были таковы, что ихъ не могли совершать съ такимъ успѣхомъ люди обыкновенные. Непрестанно возводя очи ума и сердца своего къ Богу, постоянно горя духомъ предъ Нимъ, подвижники эти, подобно древнимъ пророкамъ, ревнителямъ славы Божіей, не стѣснялись говорить рѣзкую правду въ глаза сильныхъ міра сего;

1) Сказаніе о блаженной Серафимо-Дивѣвскаго монастыря, Пелагін Ивановнѣ Серебряковой. Тверь, 1891 г. 1 стр.

они своими словами и необычайными поступками то грозно обличали и подобно молнии поражали людей могучихъ и сильныхъ, но несправедливыхъ и забывающихъ правду Божию, то подобно весеннему благотворному солнцу, радовали и утѣшали людей благочестивыхъ и богобоязненныхъ. Юродивые нерѣдко вращались среди самыхъ порочныхъ членовъ общества, среди людей погибшихъ въ общественномъ мнѣніи, съ цѣлю исправить ихъ и спасти; и многихъ изъ такихъ отверженныхъ возвращали на путь истины и добра. *Имѣя даръ предсказывать будущее* ¹⁾, они молитвами своими нерѣдко избавляли согражданъ отъ грозившихъ имъ бѣдствій, не разъ отвращали гнѣвъ Божій отъ своихъ современниковъ, у которыхъ были большею частію въ поношеніи и презрѣніи.

Совершенно свободные отъ всякихъ привязанностей къ земному, отказываясь отъ всякой собственности, не имѣя, обыкновенно, опредѣленнаго пристанища и потому подвергаясь всѣмъ случайностямъ бездомной и безпріютной жизни,—эти избранники Божіи самымъ дѣломъ, съ буквальною точностію, осуществляли въ своей жизни заповѣдь Спасителя: *„не пецѣйтесь душою вашею, что ясте или что пѣете, ни тѣломъ вашимъ, во что облечетеся; не душа ли больше есть пищи и тѣло одежды? (Матѣ. VI, 25) Ищите прежде царствія Божія и правды Его, и сія вся приложатся вамъ (33). Эти „причастники небеснаго званія“ (Евр. III, I), не имѣя на землѣ пребывающаго града, но грядущаго взыскаю, такъ какъ по слову Апостола „преходитъ образъ міра сего“ (I Кор. VII, 31)—не сообразовались въку сему“ (Рим. XII, 2); вся ихъ жизнь представляла собою какъ бы воплощенный протестъ противъ чрезмѣрнаго тяготѣнія людей къ земнымъ, временнымъ интересамъ, какъ бы живое, наглядное напоминаніе о высшей цѣли жизни—о „единомъ на потребу“ (Лук. X, 41).*

Взирая на образъ жизни Хріста ради юродивыхъ, можно подумать, что это несчастные, осужденные влачить горькую участь безумія. Пренебрегая общепринятыми обычаями міра, не соображаясь съ законами общества гражданскаго, юродивые, повидимому, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, даже самыми постановленіями Церкви не приводились къ обыкновенному порядку жизни ²⁾.

¹⁾ Курсивъ нашъ.

²⁾ О Симеонѣ юродивомъ въ „Чет. Мин.“ читаемъ: „на большее мнѣмаго своего юродства показаніе, отлагаше стыдѣніе человѣческое, и множицею обнаженъ на торжищу хождаше“... „во утріе дню недѣльну бывшу, вниде въ церковь. Начинающей Литургіи, имѣяше въ нѣдрѣхъ орѣхи. первѣе убо мача погашати свѣщи, и егда изгнати сго хотяху, онъ востекъ на амвонъ, меташе орѣхи на женъ и едва со многимъ трудомъ возмогоша его изгнати изъ церкви“; или онъ же „нѣкогда во святой великій четвертокъ изъ утра на торжищи сѣдѣ ядыше, еже видяше мимоходящии глаголаху: видѣ безумнаго

Это были какъ бы пришельцы изъ другаго міра, не считавшіе для себя нужнымъ знать и дѣлать то, что, по общему мнѣнію, составляетъ необходимую принадлежность жизни земной. Живя въ тѣлѣ, они считали себя какъ бы безплотными или въ чужомъ тѣлѣ... Пища, одежда, жилище, казалось, не составляли для нихъ существенной потребности и необходимой жизненной принадлежности. По нѣсколькимъ дней, иногда по цѣлымъ недѣлямъ, не вкушали пищи, только ту вкушали пищу, которую подавали имъ люди благочестивые; отъ прочихъ они не принимали, или принятую передавали другимъ. Одеждою для нихъ служило ветхое, раздранное рубище, но нерѣдко они отлагали и этотъ бѣдный покровъ наготы своей. Рѣдко входили и часто не были впускаемы въ жилища человѣческія, проводили большую часть подъ открытымъ небомъ—на городскихъ площадяхъ и улицахъ близъ церковной паперти или ограды, на кладбищахъ иногда даже на кучѣ сора, страдая отъ холода, голода, стужи и зноя, и, вообще, подвергались всякаго рода стихійнымъ невздамъ и испытывали всевозможныя лишенія, неразлучныя со скитальческою жизнію... Съ каждымъ подвигомъ Хрістіанскаго самоотверженія связаны тѣ или другія лишенія; не легко человѣку, склонному къ чувственнымъ удовольствіямъ, отказываться отъ нихъ, истощить свою плоть постомъ и воздержаніемъ; не легко также пристрастившемуся къ богатству раздать свои сокровища и жить въ Евангельской нищетѣ,—человѣку, жившему въ славѣ и почестяхъ, вступить въ безвѣстную жизнь. Но отказаться отъ ума—этого лучшаго украшенія человѣческой природы, какъ это мы видимъ въ юродивыхъ, конечно, для каждого должно показаться труднѣйшимъ подвигомъ, лишеніемъ, съ которымъ не можетъ сравниться никакое самолишеніе. Въ разумѣ Богъ положилъ существенную черту въ насъ великаго Своего образа (Ефес. IV, 22, 23), почему съ отрѣшеніемъ отъ „этого благодатнаго дара неба“, съ которымъ ничто не можетъ сравниться въ мірѣ видимомъ, человѣкъ теряетъ все, что составляетъ истинное его величіе, истинное его достоинство. При здоровомъ умѣ,—такъ какъ юродивые о Хрістѣ были людьми истинно мудрыми,—принять на себя видъ безумнаго—жертва великая. Не большею ли частію, чтобы не сказать всегда, бываетъ для человѣка чувствительнѣе укоръ въ скудоуміи, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ недостаткѣ, даже нравственномъ?! Жизнь человѣка не свидѣтельствуетъ ли съ очевидностью, сколько во всѣ времена, изъ удовлетворенія уму, было добровольныхъ мучениковъ науки... Отчего такая исключительная честь уму? Оттого, что въ нашей душѣ эта

сего, яко ни святаго четвѣрка не почитають, но рано ясть“. 21 Юля стр. 146, 147 и на обор.

сила осталась болѣе доступною человѣческимъ трудамъ въ своемъ развитіи и образованіи, потому что она по преимуществу свидѣтельствуетъ о достоинствѣ духовной природы человѣка. Отсюда понятно, какъ должно быть трудно и чувствительно для человѣка, при полномъ здоровомъ умѣ, выдавать себя за лишеннаго простаго смысла, дѣйствовать въ теченіе всей своей жизни подобно умалишеннымъ... Великъ и святъ подвигъ предать тѣло свое въ руки мучителей за исповѣданіе имени Христова. Но мнѣ ли требуется мужества, вращаясь въ мірскомъ обществѣ, постоянно, каждый день, каждый часъ умерщвлять свое тѣло, отбѣгать всякую нечистую мысль?!

При всей трудности этого подвига, для святаго юродства какая требуется высокая мудрость, чтобы безславіе свое обращать въ славу Божию и въ назиданіе ближнимъ, въ смѣшномъ не допускать грѣховнаго, въ кажущемся неблагопристойнымъ ничего соблазнительнаго или обиднаго для другихъ!.. Путь юродства чрезвычайно опасный и трудный путь. Какъ подражать иногда безразсудству людей самыхъ низкихъ, сохранять духъ всегда возвышенный, стремящійся къ Богу, постоянно ругаясь міру, обнимать, однако, всѣхъ совершенною любовію?! Наконецъ, какъ удержать себя отъ духовной гордости тому, кто, перенесъ столько оскорбленій и лишеній, сознаетъ, что все это терпитъ онъ невинно и что онъ совсѣмъ не таковъ, какимъ его считаютъ многіе? Это произвольное, постоянное мученичество, эта постоянная брань противъ себя, противъ міра и діавола и, притомъ, борьба самая трудная и жестокая. Это крестonosцы, по преимуществу, такъ какъ, по доброй волѣ, по собственному избранію, единственно изъ любви къ Богу и ближнимъ, несли самый тяжелый и трудный крестъ“...

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВЫШЛИ НОВЫЯ № „ТРОИЦКОЙ НАРОДНОЙ ВЕСЪДЫ“:

№ 48: **Житіе преп. Алексія человѣка Божія.** Ц. 4 к., съ перес. 6 к.

№ 49: **Во славу имени Божія.** (Изъ моей пастырской практики). Ц. 2 к., съ перес. 4 к.

Выписывать можно: Вологда, Соборная площадь, въ свѣчной лавкѣ Братства Вс. Спаса, въ Редакціи „Троицкихъ Листковъ“ Сергіевъ пос., Троицк. Лавра и „Церковнаго Слова“.